

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИЕТАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Азер Гамидович Эфендиев*¹ (efendiev@hse.ru),
Андрей Александрович Кожанов^{1,2}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

² Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Цитирование: Эфендиев А.Г., Кожанов А.А. (2026) Теоретические основания исследования социальных процессов в современном мире. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 7–39.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.1> EDN: ADVBBY

Аннотация. Исследуются фундаментальные основания анализа социетальных процессов современности. Авторы исходят из того, что в XXI в. на всемирно-историческом пространстве сложилась новая социальная реальность, которую нельзя адекватно исследовать, используя инструментарий классической социологии, в основе которого лежит постижение европейского исторического опыта. Это касается как онтологических, так и эпистемологических аспектов исследования социетальных процессов. В предлагаемой работе авторы осуществляют усилия по формированию некоторых фундаментальных оснований теоретического анализа социетальных процессов современности, преодолев европоцентристскую традицию. Реализация означенных проблемы и цели осуществляется в рамках номотетического подхода, нацеленного на выявление субстантивных основ современного исторического процесса. Выдвинуты ключевые теоретические допущения исследования: понимание общества как самодостаточной системы, автономия социума во взаимоотношениях с внешней средой, понимание социальной природы исторического процесса как гуманистически искусственного (а не фатально-стихийного естественно-исторического). Дается углубленная критика «историзма», подчеркивается необходимость разведения биосоциального (доцивилизационного) и постбиосоциального этапов развития, в рамках которого в полной мере реализуются автономия социума. Особое внимание уделяется анализу порождения (детерминации — в широком смысле слова) социальных явлений, социальной необходимости как субстантивной основы социальной активности. Подчеркивается социально-групповая и особенно институционально-символическая культурно-цивилизационная отнесенность содержания социальной необходимости. Социумы, различающиеся культурно-цивилизационными основаниями, будут в своей основе различаться тем, что для них необходимо. Во второй части статьи предпринята попытка выделить основные принципы, подходы анализа реальных социетальных процессов: вопрос об альтернативности/безальтернативности

социетального процесса, углубленная критика экономического детерминизма, подчеркивающая ведущую роль социальных стратегий в определении содержания экономико-организационной деятельности, понимание особенностей современной эпохи, где на равных сотрудничают, соперничают, конфликтуют социумы с различными типами социальной организации.

Ключевые слова: теоретические основания, социетальные процессы, автономия социума, социальная необходимость, искусственно-гуманистическая природа, постбиосоциальный исторический процесс, социальная стратегия развития экономики, альтернативность социетального развития.

Одна из главных проблем исследования социетального развития в современном мире заключается, на наш взгляд, в том, что в работах наших современников анализ этих явлений рассыпается на различные фрагменты, в которых где-то обоснованно, а нередко и необоснованно выдвигаются отдельные идеи, теоретические суждения, трудно складывающиеся в единую объяснительную теоретическую модель. В то же время исследователь, задавшийся целью изучить закономерности и тенденции социетального процесса, сталкивается с необходимостью погрузиться в предварительный анализ многих других фундаментальных оснований социальной науки: проблемы «новой онтологии», дискуссии о понимании социальной реальности, рожденные эпистемологическими заблуждениями, природа социально-исторического процесса и т.д.

Трудно найти другую проблему социологического познания, которая как проблема закономерностей и тенденций социетального развития в современном мире была бы так «перекрещена» с другими фундаментальными проблемами социологии, была бы своеобразным перекрестком, где сходятся линии, пути, треки социологического дискурса. Необходимость изложить свои представления о фундаментальных основаниях исследования современных социетальных процессов обрекает нас на определенную избирательность в отборе исследуемых проблем. Такое разъяснение, надеемся, позволит избежать критики коллег по поводу того, что из поля нашего внимания выпала та или иная проблема метасоциологического исследования социетального процесса.

Социетальный процесс: природа, закономерности и тенденции

Постановка проблемы

Предельная сложность, турбулентность современного мира требует коренной модернизации теоретических социологических инструментов, доктрин, теорий. В настоящее время мы наблюдаем, как складывается

новая социетальная реальность, которой не вполне адекватны многие ключевые положения классической социологии с явным или латентным признанием европейской траектории общечеловеческим вариантом социетального исторического процесса.

Необходимо подчеркнуть номотетический (а не идиографический, как в исторической науке и антропологии) характер нашего исследования. Исторический контекст, события, факты выступают для нас лишь «кулисами», за которыми скрывается главное — понимание глубинных основ развития социетальных процессов, трансформаций. Правы Дуайер и Миннегал (Dwyer, Minnegal 2010), по мнению которых, антропологические подходы либо ущербны, либо частичны; адекватная теоретизация социальных изменений должна не ограничиваться видами связанных с ним процессов (трансформация, адаптация), но и изучить содержательные единицы, тропы этих изменений, «изучать не как факты, свершившееся, а как процессы, которые характерны для социальных изменений» (Dwyer, Minnegal 2010: 635), а деятельность субъекта — это «намеренное причинно-следственное вмешательство в мир» (Ратнер 2000: 413).

В контексте нашего исследования социум, рассматриваемый как социетальная система характеризуется следующим.

1. Социуму как социетальной системе свойственны:

- самодостаточность; данное свойство, которое, восходя к Аристотелю, рассматривается Т. Парсонсом как ключевое для социетальной системы, отличающее общество от подсистем, включенных в общество (Парсонс 2002: 782–793);
- способность к поддержанию целостности, организованности и стабильности;
- способность к саморазвитию, адаптации к новым обстоятельствам путем дифференциации, индивидуализации, централизации и т.п.

Социумы, которые не в полной мере обладают этими свойствами или находятся на стадии становления, или переживают стадию распада.

2. Вышеназванными ключевыми свойствами обладает только социум, отдельные его подсистемы не обладают ни самодостаточностью, ни способностями к поддержанию целостности, стабильности и т.д.

3. Социетальные процессы обладают приоритетом над классовыми, групповыми, индивидуально-личностными процессами. Проблема приоритета социетального над групповым, личностным имеет различные формы осуществления, что определяет различные профили общественного строя того или иного социума: от этатизма, авторитаризма до либеральной демократии.

4. Социетальная система обладает существенной автономией от внешних, внесоциумных воздействий. Она реагирует на них, исходя из особенностей присущей ей институционально-символической основы.

5. Социетальные процессы — это процессы формирования, функционирования и преобразования социума как целостности, системы институтов, охраняемой и контролируемой властью с помощью государства как высшей формой социальной организации общества.

7. Социетальные процессы характеризуются большой инерцией, консерватизмом; в любом социуме предсказуемость старого порядка вещей перевешивает риски и непредсказуемость нового общественного устройства. Это в первую очередь касается ядра социума общественного строя. В то же время изменение периферии социума осуществляется менее болезненно.

В данной работе нами двигала задача исследования природы социетальных процессов, механизмов порождения, обусловливания социально-исторического процесса. В центре нашего исследования всемирно-исторический контекст социетальных процессов.

Теоретические допущения анализа актуальной социетальной реальности

*Социальное бытие — онтология —
эпистемология социального бытия*

Как отмечает У. Аутвейт, в качестве исходного принципа «в сфере онтологии у нас имеется различие между транзитивными и нетранзитивными объектами науки: между нашими понятиями, моделями etc. и реальными сущностями, отношениями и так далее, что составляет природный и социальный мир». Нетранзитивность характеризуется тем, что «вещи наличествуют и действуют независимо от наших описаний (Аутвейт 1991: 141).

Логика нашего исследования концентрирует внимание на проблеме онтологической приоритетности социального объекта над субъектом, познающим этот объект, субстантивность, т.е. независимость, исходность социальной реальности по отношению к находящемуся в некоем вечном движении по пути к истине субъекту. Признание социального бытия как существующего вне и помимо познавательной деятельности обуславливает, во-первых, предусмотрительность (осторожность) практической активности социального субъекта. Социальная деятельность предстает как синтез преобразовательной активности и познания нового, непредвиденного, ранее неизвестного, реагирование на это новое в виде корректировки проекта деятельности, ограничение активности, замысленного, нейтрализации волюнтаризма.

Во-вторых, понимание реальной деятельности, которая признает приоритет социального бытия над познанием, нейтрализует возможность «когнитивного диссонанса», порождающее интеллектуальную неуверенность, пассивность, панику и, в том или ином виде, агностицизм. В-третьих, преодолевается «убогость мелкотемья», которая провоцируется сведением социальной реальности к тому, что уже познано, лежит на поверхности, знакомо, ежедневно встречается.

При этом, как признает В.А. Лекторский (Лекторский 2001; Лекторский 2017), узловым моментом научного исследования реального является не столько факт ограниченности наших знаний о реальности, сколько деятельно-активное отношение субъекта к объекту его социального познания. Именно в процессе деятельности, эмпирического и теоретического опытов и практик субъект познания раздвигает рамки постижения объекта, выявляет его новые ракурсы и аспекты.

Онтологически социальные (социологические) объекты отличаются символически коммуникационным механизмам своего укоренения (обретения) объективности, независимости от сознания. Объективность социальных объектов достигается не природной запрограммированностью, а на основе договоренностей, согласования, добровольного или вынужденного согласия и т.д., которые приобретают для нового актуального акта человеческой практики «принуждающий» характер. Как отмечает Р. Бхаскар: 1) социальные структуры, в отличие от природных, не существуют независимо от видов деятельности, направляемых ими; 2) социальные структуры не существуют независимо от идей и представлений субъектов о сути своей деятельности (Бхаскар 1991: 231).

Социетальные процессы обладают эксклюзивными чертами, которые обусловлены символически коммуникационной природой объектов социальной реальности.

Первая особенность объектов социальной реальности, их изменений, развития (эволюции) в том, что решающую роль в этом играют сами акторы, их способность договориться, согласовать, изменить и т.д., а не какая-то внесоциальная сила, программирующая трансформацию.

Вторая особенность объектов социальной реальности, их изменений, развития (эволюции) — это культурно-цивилизационный конкретно-исторический характер социальных трансформаций, их результатов. Различные в символически культурном аспекте согласования и ассамбляжи порождают различные вероятно-детерминационные обусловливания и результаты. Вариант культурно-символической трансформации, который дал определенные результаты в одной цивилизации в определенной конкретно-исторической ситуации, в другой конкретно-исторической

культурно-цивилизационной ситуации может породить совершенно иные состояния и контексты. «Цивилизационный порядок любого типа современности действует двояко. Он одновременно и упрощает, принуждая индивида к стандартам потребления, и усложняет, обрекая на индивидуальный выбор» (Козловский 2023: 50).

Третья специфическая черта социальной реальности, ее трансформации, на наш взгляд, проявляется в том, что ее тенденции, закономерности как символически коммуникационного процесса с наибольшей последовательностью и яркостью проявляются именно в рамках культурно-цивилизационного состояния человеческой жизни, в котором основные стороны жизни людей регулируются, гарантируются, организуются на основе придуманных самими людьми правил, законов и т.д.

В доцивилизированном мире эволюция человечества носит скорее *биосоциальный, природно-социальный*, во многом *инстинктивно-запрограммированный* характер. Мы предполагаем, что, изучая доцивилизационное состояние, мы имеем дело скорее с предысторией социального, социетального и т.п. Соответственно социология, изучая социетальную эволюцию (в отличие от антропологии, истории и др.), фокусирует свое исследовательское внимание на тех состояниях общественной организации, которые характеризуются безусловным доминированием созданными самими людьми, их культурой правилами, нормами, законами, институтами и т.д. Размывание различий социальной реальности и биосоциальной организации человека на доцивилизированных этапах развития ведет так или иначе к редукции социальной эволюции, ее факторов к биосоциальному началу.

Основы взаимодействия социума и внешней среды.

Что и как влияет на явления социальной жизни?

Среди научно-стратегических вопросов исследования современных социетальных процессов — многомерная проблема соотношения, логики взаимодействия внесоциальных (в том числе внесоциумных) явлений, сил и социума. В широком общесоциологическом аспекте ключевое значение приобретает понимание основных закономерностей взаимодействия социума с внесоциальной средой. В этом контексте плодотворной представляется идея Н. Лумана об ортогональном (независимом) характере взаимоотношения социума и внешней среды. Согласно его концепции, внешние условия, факторы, процессы не определяют ход событий, действий, мотивов, которые движут людьми, меняют личность, общество, но они «некоторым образом нарушают систему, приводят ее к возбуждению, которое затем внутренним образом приводится в форму, с которой система может

работать» (Луман 1994: 36). Иными словами, внешние условия могут выступать как некие возбудители (раздражители), но то, как социальная среда на них отреагирует, зависит от самой социальной среды, ее устройства, властно-институциональной структуры, культуры, стратегических планов лидеров и элиты.

Проблема социальной природы исторического процесса

Номотетический фокус общесоциологического постижения социального процесса концентрирует внимание на ряде крупных научных дилемм, в их числе дилемма (проблема) природы исторического процесса. Фундаментальным основанием исследования природы исторического процесса является деятельностный подход к пониманию социальной реальности. В.А. Лекторский пишет о теоретическом многообразии подходов в рамках классического и современного (постмодернистского) понимания роли человека, его деятельности в преодолении противопоставления «внутреннего» и «внешнего» фактора объяснения социальной реальности. «Как возможен мир (если возможен)?» Ответ на этот вопрос пыталась дать немецкая философия в начале XIX в. и ряд течений европейской мысли в XX в. Деятельностный подход в разных своих версиях исторически возник как попытка снять абсолютную дихотомию субъективного и объективного миров» (Лекторский 2001: 85).

Христианский провиденциализм, согласно которому история — это творение Бога, был первой логически последовательной, систематической концепцией исторического процесса как созданного, искусственного, умышленного, запланированного.

Переход к Возрождению знаменовал в понимании исторического процесса переход к пантеистическому, деистическому пониманию провиденциализма, которое окончательно секуляризировалось в философии Просвещения, выработавшей понимание того, что развитие общества предопределяется планами и намерениями людей, массовыми движениями, особенно великими личностями, способными сформулировать новые идеи, заразить ими широкие массы и тем самым привести к социетальному движению, изменению. У Питера Штомпки эта секуляризованная модель выступает как гуманистическая (Штомпка 1996: 466; см. также: Горюнов, Потанина, Шабалкина 2013).

Концепция естественной (т.е. независимой от сознания и воли людей), иначе говоря, стихийной (Штомпка называет ее механической — Штомпка 1996: 467), природы исторического процесса, получила свое активное развитие сначала в идеалистической трактовке Г.Ф. Гегеля, где творит историю независимо от желания и активности людей Абсолютный дух,

потом в процессе преодоления этой идеи от идеалистического перфекционизма у К. Маркса в качестве естественно-исторической необходимости, у Г. Спенсера, который утверждает, что «во всех своих видах и разветвлениях общество представляет собой естественное возрастание, а не искусственное производное» (Спенсер 1998: 269).

Эмерджентная модель делает акцент на том, что целенаправленная деятельность людей своими последствиями имеет не только запланированные, ожидаемые актором результаты, но и те, о которых ни он, ни другие участники социальных взаимодействий (сотрудничество, соперничество, конфликты, конкуренция) не ожидали, не предполагали, так как они внезапно (для людей) возникают, т.е. эмердженты.

Эмерджентная модель, в ее социологической трактовке (в отличие от физики газов, биологии мутаций), на наш взгляд, вытекает из искусственно-гуманистической модели, является ее своеобразным ответвлением, но не противостоит ей. В одних случаях эмерджентные эффекты, то есть их возможность заранее так или иначе предполагается (целое обладает «новыми» качествами, которых нет у его составляющих). В других случаях они есть порождение (эпистемологического) незнания онтологии изучаемого процесса. В результате то, что было случайным, внезапным в дальнейшей активной практике актора может выступать как планируемый, ожидаемый эффект. В социетальном измерении — самопроизвольное по своим корням, первоосновам, или эмерджентное, то, что еще не познано. Оно лишается своей эмерджентности как только познается, а затем усматривается, планируется и контролируется.

Рассматривая концепции исторического процесса в контексте дихотомии естественно-исторической необходимости и искусственно-гуманистического понимания исторического процесса, следует сказать о концепции «спонтанности» исторического развития фон Хайека: «Для понимания путей развития цивилизации необходимо осознать, что расширенный порядок не является воплощением человеческого замысла или намерения. Он возник спонтанно, в результате непреднамеренного следования традиционным, а самое главное — моральным правилам» (Хайек 2023: 11). Причем ко многим из них люди могут испытывать неприязнь, как отмечает фон Хайек, тем не менее эти обычаи быстро распространились благодаря тому, что те, кто их придерживается, прошли эволюционный отбор, приумножив численность и свое благополучие и богатство.

Исторически в общественном сознании так сложилось, что стремление к реализации критериев общенаучной методологии в понимании социальных процессов способствовало развитию в XIX–XX вв. стихийного естественно-

исторического понимания социальных трансформаций. Искусственно-гуманистическая концепция, в которой явно или латентно усматривались корни религиозного провиденциализма, воспринималась с понятным недоверием. Сциентизм в понимании социальных процессов сначала выглядел откровенно наивно (географический детерминизм), затем он приобрел достаточно логически завершенные очертания естественно-исторического, объективного понимания социального процесса в работах К. Маркса, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Парсонса и т.д.

Главное, что характеризует, объединяет эти учения, — теоретические допущения, что социальная жизнь развивается, трансформируется по траектории, которая прокладывает свой путь в истории человечества независимо от идей, намерений, устремлений живых людей. Деятельность, активность последних осуществляется как бы в границах своеобразных исторических каналов, содержание которых исторически предопределены, носят запрограммированный характер.

Современные социобиологизаторские исследования теории социальной эволюции (Гринин, Коротаев 2009; Гринин, Марков, Коротаев, Панов 2012) от простой аналогии переходят к сложной «игре» в сосуществование биологической и социальной эволюции, где вторая, разумеется, полностью подчинена первой: «Используя концепции социальных и биологических ароморфоз, нам удалось вывести ряд правил, общих для биологической и социальной макроэволюции, а именно: “плата за генетический прогресс”, “особые условия для возникновения ароморфоз” и другие, которые можно считать схожими (в общих чертах) и которые хорошо работают в обоих случаях биологической и социальной фаз макроэволюции» (Grinin, Korotayev 2023: 115).

Одним из проявлений понимания истории как естественно-исторического процесса является историцизм, согласно терминологии К. Поппера (Поппер 1993). Для историцизма характерно видение истории как определенной целостности, обладающей имманентным смыслом, на базе которой нередко выдвигаются глобальные силы.

Поппером выдвигаются основные черты историцизма, которые во многом пересекаются или основываются на концепции естественно-исторической запрограммированности исторического процесса:

- существование единой истории человечества, реализации определенных всеобщих законов исторического развития;
- задачи общественных наук — раскрытие законов эволюции общества, позволяющих предсказать будущее социума, всего человечества;
- невозможность остановить или(и) изменить закономерный ход истории.

Используя идеи Карла Поппера, выделим дополнительно еще несколько постулатов концепции естественно-исторической природы истории (Розов 1995; Потамская 2016).

Постулат о «восходящем» характере социетальной эволюции. Для большинства учений (кроме Ф. Тенниса) социетальные трансформации приобретают прогрессистскую тональность.

Постулат о превосходстве последующего над предшествующим этапом исторического развития. В лучшем случае признания возможных возвратных движений, обращений вспять приобретают очертания спиральности, как возвращение к «старому», но уже на новом базисе.

Выделенные нами постулаты естественно-исторической предопределенности содержания социетальной эволюции не могли не породить прогрессистскую окрашенность подобных теорий, что заразило своим оптимизмом (не всегда обоснованным) социальных мыслителей, общественно-политических государственных деятелей.

Не ставя перед собой задачу доказательств и опровержений на основе исторических фактов, лишь упомянем известное из европейской и мировой истории, когда на смену универсальному высокоорганизованному Римскому государству пришли варварские образования, повергнувшие Европу на многие столетия «во мрак и тьму» примитивных социетальных образований. Или османский захват полукочевниками Великой Византии, которая поражала всех своей высокой организованностью, правовым совершенством и т.д.

Современная эпоха демонстрирует немало событий, которые по многим своим явлениям ставят под сомнение в чем-то стройные, но, как оказывается, нежизненные построения концепций естественно-исторической природы социетальной эволюции. Успехи и конкурентоспособность арабских монархий, утрата многими так называемыми передовыми демократиями своих позиций (например, Аргентина, Венесуэла и пр.), оживление роли религии и даже клерикализма во многих странах бывшего СССР, Востока и т.д.

В современной социологии концепции естественно-исторической природы социальных трансформаций имеют как свои онтологические корни (попытка представления общественных явлений по аналогии с естественно-природными), так и эпистемологические основы.

На наш взгляд, корни учений о естественно-исторической предопределенности уходят в эпистемологический метод анализа социального развития, которое легализует принцип трактовки исторически состоявшегося как единственно возможного, закономерного и естественно-исторически необходимого.

В социологии, антропологии, в исторической науке на протяжении многих десятилетий изучение социетальной и более широко социальной эволюции сводилось, ограничивалось, как правило, молчаливым признанием закономерного, неодолимого в основном через состоявшееся, случившееся. Редукция социоисторического процесса к уже состоявшимся фактам, с одной стороны, способствовала, казалось бы, рациональному пониманию исторического процесса, построенному на базе не умоглядных, а эмпирически подтвержденных теоретических конструкций; с другой стороны, создавала опасность сползания к своеобразному историческому эмпиризму, когда факт подменял собой теоретико-концептуальное понимание механизмов порождения тех или иных событий. В результате этого своеобразного исторического эмпиризма история приобретала *безальтернативный* характер. Что, с одной стороны, порождало фатализм в понимании социетального процесса с его идеей неодолимости, неизбежности, с другой стороны, характеризовалось поверхностным пониманием внутренних механизмов исторического процесса. Так или иначе, такая редукция необходимого к наблюдающемуся, состоявшемуся уходит своими корнями в неокантианство (Баденская школа), которое провозглашало невозможность познания «вещи в себе», идеографический, описательный по сути характер обществознания.

Следует высказать второе замечание эпистемологического порядка, которое является своеобразной критикой поверхностного обоснования искусственно-гуманистической природы исторического процесса. Подчеркивая искусственно созданный характер реальной исторического процесса, который является детищем людских страстей, их приоритетов, борьбы и конкуренции, сторонники данного подхода, к сожалению, ограничиваются научными идеологемами, а не научно-концептуальным пониманием механизмов исторического процесса, утверждением «будущее открыто», которое носило в контексте изменившегося понимания человеческой истории скрытый или явный аксиологический характер, во многом применяя «новую религию понимания социетального процесса».

Более того, не затрудняя себя глубинным анализом искусственно-гуманистической природы исторического процесса, данный подход создает определенную основу для субъективно-волюнтаристского понимания исторического процесса, пренебрежения определенными ограничениями, которые облекаются в дальнейшем процессе научной рефлексии в закономерности «творения» людьми исторического процесса.

Беспредельность рамок творения человеком своего будущего, утверждение «будущее открыто», как провозглашал К. Поппер («...мы не знаем будущего, будущее объективно не зафиксировано. Будущее открыто:

объективно открыто. Только прошлое зафиксировано, оно было актуализировано, и тем самым ушло» — Поппер 2006: 188), онтологически неоправданно, сомнительно, так как пренебрегает реально существующими субстантивными, т.е. независимыми, исходными ограничениями в реализации той или иной избранной траектории исторического процесса. Эти ограничения существуют как объективные социальные матрицы осуществления исторического процесса, они выступают как ресурсно-исторические (ты не можешь выдвигать цели, для решения которых нет материальных, социальных и иных ресурсов) и культурно-цивилизационные рамки (ты можешь выдвигать цели, которые согласуются с традициями, предпочтениями, цивилизационными особенностями социума) реализация актором избранного сценария исторического процесса.

Исследование фундаментальных основ социетальных процессов (Браславский 2023) подводит нас к осмыслению проблем обусловливания (детерминации), лежащих в основе социетальных процессов.

Социологическое исследование механизмов обусловливания-детерминации социетальных процессов

Онтология необходимости как движущей силы социальной деятельности

Теоретический характер данной работы в качестве исходного пункта комплексного анализа социоисторического процесса выдвигает не фатальную, стихийную, независимую от людей естественно-историческую программу, а механизм обусловливания-детерминации социальных процессов, исследование социальной необходимости как субстантивной, независимой, исходной первоосновы, порождающей социетальные процессы.

Предварительно сделаем несколько комментариев.

Первый касается употребления понятия «детерминация», которое, к сожалению, нередко ассоциируется лишь с механистическим пониманием причинно-следственных связей, где под причиной имеется в виду непосредственный фактор, напрямую воздействующий на явления и при определенных условиях напрямую порождающий вполне определенные последствия.

По мере развития науки формировалось более широкое осмысление детерминации, в основе которого лежит понимание того, что причинность не сводится к регулярной последовательности — под причиной следует понимать совокупность всех факторов, совместно достаточных и необходимых для производства следствия. «Причинно-следственная связь включает в себя нечто большее, чем просто корреляцию или временную последовательность» (Beebe, Hitchcock, Menzies 2009: 5).

Ром Харре и Эдвард Мадден (Harré, Madden 1975) резюмируют, что отождествление причинности с простой регулярностью не позволяет понять необходимость, присущую причинно-следственным отношениям.

Речь идет о понятии детерминации в широком смысле слова, которая включает фактически все (в том числе непричинные) механизмы социального порождения.

Причинно-следственные представления о детерминации социальных явлений как о своеобразном часовом механизме (Декарт), были обогащены вероятностно-статистическими представлениями о массовых процессах обусловливания, которые носят не абсолютный, а вероятностный характер. Механизмы порождения, обусловливания дополнены признанием индукционного наведения (обусловливания), каталитическим механизмом, когда та или иная императивно-обязывающая сила является, наряду с другими важным условием развития того или иного явления.

Мы предлагаем термин «детерминация» трактовать в его широком смысле как понятие, включающее все виды, формы, механизмы многомерного воздействия на социальный объект, порождающий различные социальные последствия. В связи с этим сделаем еще один комментарий.

В социальной реальности прямая причина, непосредственно «виновная» в определенных последствиях, чаще всего выступает в виде мотивации к определенному действию. Это для социолога очевидно и тривиально. Поэтому в ходе нашего дальнейшего анализа мотивация действия как производная и финальная детерминанта, порождающая определенные последствия, в определенной степени остается вне нашего поиска.

Требует пояснения и наше понимание социальной природы «необходимости». Используя это понятие, исследователь оперирует не конкретным социальным объектом, элементом, а дает характеристику потенциальностей (Аристотель), внутренних сил, которые сродни силам магнитного поля, предрасположенностей (К. Поппер).

Последний предварительный комментарий касается использования нами понятия «императивный». Мы используем его не в кантовском морально-этическом смысле, а в его первоначальном лингвистическом смысле как повелительное наклонение, обязательное, настоятельное требование.

В этом отношении наше понимание необходимости как императивно-обязательного основания социальной деятельности созвучно трактовке этого основания как силы или предрасположенностей у К. Поппера (Поппер 2006: 135), как субстантивная, независимая, конечная сила социальной активности.

Социальная необходимость как феномен

Исходным пунктом процесса социальной детерминации (понимаемой в широком смысле слова) является необходимость в определенных социальных действиях.

«Необходимость» имеет множество коннотаций как бытовых, повседневных, так и научных, академических.

В науке необходимость выступает как связь, взаимодействие, исходная глубинная основа, порождающая то или иное явление. Теоретико-социологически необходимость — это первооснова социальной деятельности, понимаемая как движущая сила определенных социальных действий.

Тем самым, признается, что *движущая сила социальных процессов не возникает стихийно, откуда ни возьмись, как игра стихийных естественно-исторических законов, «вне самих людей», а представляет собой некий элемент социального бытия людей, их заинтересованности в своем успешном развитии.*

1. В основе характеристики той или иной социальной связи как необходимости лежит атрибуция этих взаимодействий как императивных, т.е. неодолимых, обладающих не только логикой неотвратимости, но и силой принуждения, обязывающей данного социального субъекта к действиям, способным в данной ситуации обеспечить стабильность, устойчивость, успешность его функционирования и развития.

2. Фундаментальной основой необходимости является противоречие между наличными (имеющимися или изменившимися условиями) обстоятельствами существования и развития социального субъекта и условиями, обстоятельствами, способными обеспечить успешное, устойчивое, стабильное развитие данного социального субъекта. Противоречие, конфликт, антагонизм между имеющимися (или изменившимися) условиями ситуации и условиями, способными обеспечить устойчивость, успешность развития социального субъекта, и порождает силу принудительности, которой обладает необходимость.

3. Необходимость как императивно-обязательное основание социальной деятельности, по сути, обеспечивает адаптацию социального субъекта к изменившимся условиям. Дифференциация как одна из форм адаптации, вычленение функций, сочетается с их универсализацией, унификацией; совместимость институтов с их автономией. Это ступени исторического развития, в основе которых социальная необходимость, имплементация которой выступает как адаптация, а дифференциация, универсализация и автономность — как ее формы.

Субстантивной основой устойчивого общества, таким образом, выступает целостная, внутренне скоординированная и согласованная

система реализации императивно-обязывающих отношений, реализованных в морали, праве, деятельности ведущих институтов, в том числе политических, экономических, культурно-образовательных и т.п. данного общества.

Возможны отдельные непредвиденные, незакономерные (случайные) флуктуации. Социум как устойчивая система способен или погасить, подавить, или впитать реализацию непредвиденного, случайного в систему уже сложившихся императивно-обязывающих правил, норм, институтов. В этом случае речь идет об адаптивной корректировке, частичном обновлении правил, норм, регулирующих отдельные институты, или даже о создании (путем дифференциации, специализации сложившихся институтов), новых институциональных образований, не затрагивающих общественный строй как систему институтов, создающих единую идейно-нравственную регулятивную основу.

Сказанное подводит нас к следующим теоретическим комментариям и умозаключениям.

Первое из них заключается в том, что необходимо-императивная сила социальных процессов может проявляться как в самовозобновляемых, регулярных взаимодействиях, обеспечивая стабильное функционирование социума, так и в ситуациях уникальных, экспериментальных, в том числе непредвиденных, ранее не встречавшихся, включая революционные, переломные.

Второе. Социальная необходимость имеет множество своих проявлений, воплощений, а еще точнее, сущностей, и проявляется, пожалуй, во всех основных видах, формах, типах детерминации в ее разнообразных формах.

Современные представления об императивно-обязательной силе необходимости включают в себя в качестве ключевых вероятностно-статистические процессы, где механизм порождения имеет не абсолютный, а вероятностно-массовый характер, способный включать и единичные формы отклонений.

Эмпирическая социология большое внимание уделяет индукционным видам порождения социальных явлений, в частности зависимости поведения личности, ее планов, амбиций и достижений от социально-профессионального статуса самого актора, его родителей и т.д.

В качестве формы обусловливания упоминается каталитическая форма реализации социальной необходимости. Имеется в виду механизм, в котором изучаемая необходимость становится ускорителем, катализатором социальных процессов.

В рамках «новой онтологии» получает новое прочтение взаимодействие соотношения (содержания) необходимости в том или ином его

проявлении (вероятностном, индукционном, каталитическом, причинно-следственном) и порождаемых в результате их реализации последствий. Последствие содержательно не всегда зависит от контекста причины, ее смысла.

Признание многомерности процесса обусловливания-детерминации углубляет понимание социальной необходимости как множественного и, по сути, многомерного явления.

Третье. Социальная необходимость имеет различные ступени своей валидности от возможно-вероятного до неизбежного. Исследование логики восхождения от вероятного до неизбежного требует исследование логики ситуации (К. Поппер).

Четвертое. Социальная необходимость проявляет себя как система императивно-обязательных оснований типов социетальной деятельности:

- социум помещен в определенную природную среду, императивно-обязывающие связи с которой очерчивают границы первой группы социетальных необходимостей;
- социум помещен в определенную внешнюю геополитическую социетальную (глобальную, межнациональную, наднациональную) среду, императивно-обязывающая связь с которой определяет вторую группу социетальных необходимостей, включая экономическую, политическую, идеологическую, военно-силовую конкуренцию, конфликты, достижение условий, обеспечивающих суверенитет, «жизненное» пространство, безопасность, сохранение или восстановление территориальной целостности, рынка, медиа-пространства, территориальные претензии и притязания;
- императивно-обязывающие основания социетальной деятельности связаны с созданием и сохранением внутренней устойчивости и развития общества, идейно-ценностной, религиозной сплоченности общества, эффективного развития его институтов (экономических, культурно-образовательных, политических, здравоохранения), содействием развитию ведущих социальных групп.

Перечень выделенных типов социетальных необходимостей не претендует на полноту и скрупулезность описания.

При этом важно учитывать тот факт, что выделенные выше типы социетальной необходимости характеризуются постоянным взаимодействием. В истории не раз возникала необходимость в освоении (завоевании) новых территорий, более благоприятных в смысле природно-климатических условий для проживания социума, как и необходимость защиты своей территории от притязания других. Данные территориальные и природно-климатические необходимости порождают необходимость

не только силовой составляющей, но и развития идейно-нравственной (патриотизм, героизм), политических, военно-технических, дипломатических составляющих.

Пятое. Содержательно социетальная необходимость определяется:

- актуальными конкретно-историческими условиями, ресурсами и возможностями развития социума;
- структурно-стратификационными, профессионально-корпоративными, социально-групповыми позициями и условиями развития социальных субъектов;
- и главное, институционально-символической культурно-цивилизационной природой данного социума, утвердившихся в нем устойчивых традиций, моральных приоритетов и принципов, институтов.

Шестое. Понимание онтологии социетальной необходимости обогащается тем самым еще одним, во многом ключевым для понимания глобальных проблем современности свойством: институционально-символической культурно-цивилизационной спецификой необходимости как исходного начала социальной активности. То, что для существования и развития одного социума будет глубоко и настоятельно необходимо, в рамках другого социума с иной институционально-символической основой может не обладать такой значимостью или же вообще оказаться незначимым, второстепенным.

Именно в культурно-цивилизационной определенности императивно-обязательных начал общественной жизни коренятся самые сложные и ключевые эпистемологические проблемы, когда за всеобщую закономерность как единое для всех социумов выдаются исходные начала, движущие силы, характерные для социумов (цивилизаций) с определенным культурно-цивилизационным христианско-европейским кодом.

Эпистемологические «заблуждения» в понимании онтологии социальной необходимости как феномена, имеющего культурно-цивилизационную отнесенность, проявляются как минимум в следующих теоретических ориентирах.

Во-первых, европоцентристском понимании логики мирового исторического процесса. В основе европоцентризма явно или латентно лежит доктрина естественно-исторической стихийной природы исторической необходимости, которая безальтернативно движет социальным процессом, что, в свою очередь, так или иначе пробивает дорогу фатализму, признанию одномерности (европейскости), безальтернативности исторического развития.

Во-вторых, фундаментальной причиной эпистемологических заблуждений в понимании культурно-цивилизационной определенности онто-

логии социальной необходимости выступает плоское понимание объективного в социальной жизни, благодаря которому символически духовные феномены толковались прежде всего как «отраженные», «субъективные», «рефлекторные», а потому достаточно легко изменяемые под влиянием объективной естественно-исторической необходимости.

Седьмое. Социетальная необходимость как императивно-обязывающая сила социальной деятельности решающим образом зависит от креативной способности социального субъекта глубоко и адекватно осознать конкретно-исторические, геополитические, стратификационно-групповые и т.д. условия развития и выработать соответствующую стратегию и тактику имплементации социальной необходимости. Этот фактор в реалиях жизни проявляется многогранно: социальные инновации организации общества, прежде всего системы власти, их зарождение, видоизменение, историческая последовательность и т.д. не имеют естественно-исторического фатального происхождения, а есть продукт осмысления (адекватной или иллюзорно-ложной в различных ее формах) реальности, инноваций, заимствования, подражания, вынужденного применения в результате конкуренции, конфликтов, побед и поражений.

На практике нередко благодаря властному политическому, силовому давлению, разнообразным политкоммуникационным и электоральным технологиям, которые усиленно развиваются и внедряются в последнее десятилетие, решающим становится не креативная адекватность, а ресурсная обеспеченность той или иной стратегии.

Последствием этого может являться (кратковременное или длительное) развитие той или иной стратификационной, социальной, профессиональной и т.п. группы, сообщества, нации, социума по пути, который не ведет к высокой эффективности, стабильности и успеху. Социетальная необходимость реализована в искаженном, неадекватном онтологическом варианте.

Социетальные процессы в современном мире: основные подходы и принципы исследования

Поликондициональность (многоосновность) процессов развития социума

Постановка проблемы

В данном разделе мы нацелены на то, чтобы на базе идей, изложенных выше, провести анализ основных теоретико-методологических принципов, которые, как мы считаем, необходимо реализовать, чтобы адекватно

познать социетальные события и процессы. Такой подход, на наш взгляд, позволит избежать возможную аксиолого-идеологическую приверженность при трактовке тех или иных исторических явлений.

Второй комментарий касается широкого использования понятия «поликондициональность» (от слова *кондиция* — «основание») в коннотации (наличии) множества значимых (но не всяких, не любых) оснований порождения исторических явлений.

Это позволит, как мы надеемся, при описании онтологии порождения социетальных явлений уйти от понятия поликаузальности, так как включает в себя гамму возможных значимых связей обусловливания, а не только прямые причинно-следственные связи.

Вместе с тем мы осознанно уходим от использования близкого (казалось бы) понятия «многофакторность», стремясь подчеркнуть многоуровневый, многомерный и даже синтетический характер императивно-обязывающей природы порождения социетальных явлений.

Социолого-номотетический анализ возможностей исторического развития социума

Одним из ключевых результатов проведенного в предыдущих разделах исследования социетальных процессов является теоретическое положение (гипотеза) о преимущественно гуманистически искусственной природе постбюрократического развития социума.

Научное рассмотрение в этом фокусе социетальных процессов требует ответов на несколько ключевых вопросов. Остановимся на некоторых из них.

Первая дилемма (не по значимости, а по логике исследования) предполагает ответ на вопрос: имела ли состоявшаяся история, точнее ключевое событие в истории того или иного социума, определившее на несколько десятилетий-столетий путь развития того или иного общества, безальтернативный, фатальный характер или ей был присущ альтернативный, поликондициональный характер.

Признание стихийного, естественно-исторического характера социального процесса оказывается идейно-теоретической основой представлений о безальтернативности исторического процесса, отсутствии веера возможных путей развития. Признание же поликондициональности открывает путь к пониманию исторического процесса, с одной стороны, субстантивно-императивно обусловленным, а с другой стороны, как результата социально-ресурсной, в том числе интеллектуально-креативной, политически-организационной, властной и силовой конкуренции, конфликта, предпочтений и превосходства.

Для исторического, идеографического постижения истории, как известно, нет сослагательного наклонения («если бы»). Для социологического номотетического исследования осмысление возможных вариантов исторического развития социума, а также анализ условий успешной реализации конкретной траектории, превращение ее из возможного (наряду с другими кондициями) в неизбежное открывает путь к пониманию субстантивных оснований социальной реальности.

В постбиосоциальный период безальтернативность в социетальном развитии встречается крайне редко. И даже безальтернативно-критические для существования всего человечества проблемы современного развития (ядерная, экологическая, биолого-пандемическая) приобретают поликондициональный характер.

Казалось бы, очевидная ядерная угроза уничтожения человечества при внимательном исследовании обнаруживает в последние 30–50 лет набор различных кондиций, начиная от безопасности, сдерживания развития ядерное оружие, кончая силовым лидерством, преимуществом, что делает возможным диктат, запугивание, принуждение других стран, всей международной глобальной общности людей. В последние десятилетия возникла региональная, локальная термоядерная кондиция, и даже кондиции, связанные с тактическим ядерным оружием.

В контексте понимания социетального развития как искусственно-гуманистического процесса важно следующее: *групповая, стратификационная, профессиональная, корпоративно-отраслевая дифференциация обуславливает существенную (подчас антагонистически непримиримую) дифференциацию императивно-обязывающих оснований деятельности социальных субъектов, в том числе их заинтересованности в разных путях развития социума.* Именно внутренняя дифференциация социума обуславливает поликондициональность исторического процесса, стратификационно-групповую отнесенность социальной необходимости.

При одних и тех же вызовах социальной среды, независимо от сознания, объективно формируется социально-групповая определенность социетальной необходимости.

Возможно возражение, суть которого в том, что социетальная необходимость становится императивно-обязывающим основанием деятельности, субъектом которой является все общество в целом как самодостаточная целостность, но не его отдельные группы, профессии, т.е. она имеет надгрупповую сущность.

Филантропически псевдогуманистические представления исходят из того, что субстантивная логика, содержание общественного процесса существуют как некая надгрупповая сущность. Но исторический опыт

неоднократно доказывал определенную иллюзорность подобных идей-мифов. Общественный интерес, который по определению несводим к сумме интересов общественных групп, так или иначе реализуется через деятельность лидирующих групп, страт данного общества, неминуемо преломляясь через специфические императивно-обязывающие основания деятельности этих групп. Соответственно развитие общества осуществляется в форме, в которой условия, необходимые для развития общества в целом, соотносены с кондициями, которые необходимы для развития лидирующих групп.

В основе социетальных процессов лежит система императивно-обязывающих отношений, характеризующаяся нарастающей поликондициональностью, порождающая турбулентность, конкуренцию, конфликты. Современное общество представляет собой социум с ясно выраженной поликондициональностью необходимостей по поводу одной и той же ситуации, а значит и наличием достаточно широкого спектра возможных альтернатив исторического процесса.

В контексте гуманистически искусственной концепции исторического развития эти возможности есть не что иное, как альтернативы вариантов, направлений, путей социально-исторического процесса. Какой из этих путей, вариантов будет реализован, будет ли возможность преобразована в неизбежность, определяется не логикой стихийности естественно-исторической необходимости, а драматургией реальной борьбы, соперничества социальных групп за общественное признание, авторитет, легальные, а нередко и нелегальные методы борьбы за лидерство и власть.

Об этом свидетельствует исторический опыт, в том числе опыт русских революций февраля и октября 1917 г. Согласно марксистскому пониманию исторического процесса, которое отстаивалось в том числе Г.В. Плехановым, установление социалистических порядков возможно лишь на основе развитого капитализма. Следовательно, нацеливать Россию на установление социалистической организации общества, в соответствии с этим и представлениями, преждевременно.

В результате известных событий с февраля 1917 г. в реальной политической борьбе участвовало несколько политических сил, олицетворявших различные возможные пути развития российского общества: монархо-консервативные, буржуазно-либеральные, неонароднические социалисты-революционеры (эсеры), социал-демократы (большевики).

Как правило, отмечает К. Поппер, наличествующие возможности развития ситуации неравнозначны. Чаще всего в конкретной ситуации есть более вероятные (К. Поппер называет их «нагруженными» — Поппер 2006: 182) и менее вероятные для реализации возможности.

Как же произошло, что фактически разгромленная в ходе революции 1905–1907 гг. малозначимая политическая сила, ядро которой составляли проживающие в эмиграции деятели, т.е. партия большевиков, смогла в октябре 1917 г. путем вооруженного восстания установить свою власть, сместив переходное Временное правительство и разогнав Учредительное собрание, которые должно было установить новую Конституцию и власть в России?

В 1917 г. после февральской революции, которая вытеснила с политической арены монархо-консервативные силы, неонародническая партия эсеров стала крупнейшей политической силой, насчитывавшей миллион активных членов партии, приобрела господствующее положение в местных органах самоуправления и большинства общественных организаций, одержала безусловную победу в выборах в Учредительное собрание (48,8 % голосов избирателей). В крестьянской стране эсеры провозглашали в качестве своей цели крестьянский социализм в виде аграрной социализации, мирный приход к власти, эволюционный характер преобразований в обществе, активное развитие профсоюзов, местного самоуправления, всеобщее распространение в системе власти принципов выборности, отмену крупной индустриальной частной собственности при сохранении мелкого и среднего предпринимательства и т.д.

Установление социалистической (а не капиталистической, буржуазной) организации общества становится в послефевральской России 1917 г. центральной идеей российского общества. Идея о том, что социализм в России того времени был непредвиденным, маловероятным, не имеет под собой какой-либо основы. Другое дело, что неонароднический социализм существенно по многим принципиальным вопросам отличался от пролетарского марксистско-ленинского социализма. Особенно это касалось проблемы экспроприации, эволюционного пути преобразований.

Но эсеры оказались неспособны обеспечить восхождение высокой вероятности реализации своего проекта в неизбежность ввиду целого ряда обстоятельств.

Выдвижению на передний план большевистского проекта общественных преобразований способствовало возрастание авторитета большевиков среди городского пролетариата в результате разгрома Корниловского мятежа, активизация деятельности большевиков после возвращения Владимира Ленина из эмиграции в апреле 1917 г.

Превращение большевистско-пролетарской возможности в историческую неизбежность общественного развития определялось не только (а может быть и не столько) социально-содержательными (программными) основами деятельности большевиков, сколько их организационными качествами, отношением к вооруженным методам (в том числе на практике).

Большевиков, безусловно, отличала высокая организованность, мобилизованность на политическую борьбу, дисциплинированность, особенно среди лидерского ядра. В условиях Первой мировой войны большевики признали необходимым подготовку и осуществление вооруженного Октябрьского восстания, что обеспечило насильственный приход большевиков к власти, насилие по отношению к Учредительному собранию. Партия эсеров чрезмерно уповала на легальные и легитимные методы, не сумев защитить свои достижения, в том числе Учредительное собрание.

В этом столкновении неонароднического и пролетарского марксистско-ленинского социализма разворачивалась драма России 1917 г., сделавшая неизбежным приход к власти большевиков.

Приведенные исторические свидетельства ставят и ряд других проблем познания исторического процесса из разряда так называемой исторической социетальной таксономии: носит ли последовательность типов социальной организации общества присущий, например, Европе, общепристорический характер? В данном случае мы остановились лишь на одном фрагменте, связанном с анализом так называемой преждевременности перехода к социализму в России в 1917 г. Но в рамках признания искусственно-гуманистической природы исторического процесса социалистический проект являлся основой деятельности главных политических сил России, выражения институционально-символической специфики России, построенной на многовековом общинном земледелии. И такие предрасположенности (термин К. Поппера) к социализму характерны для всех социумов, возникших на общинном земледелии (Китай, Вьетнам). В этом свете выглядят неубедительными нарративы о «преждевременном» социализме, «некапиталистическом» пути развития.

Социетальный процесс: межстрановой аспект

Постановка проблемы

Остановимся на анализе основных тенденций формирования типов социальной организации социума. От чего в решающей степени зависит последняя: от сложившейся структуры, институциональной системы, традиций, культурно-цивилизационных (в том числе религиозных) оснований общественной жизни или от внесоциальных, внешних причин, в том числе усложнения и нарастания требований производительных сил, технологий? Не является ли наблюдающаяся таксономия, плодом искусственно-гуманистической природы исторического процесса, активности людей, элит, реализации механизмов заимствования, подражания, конкуренции, инновационной креативности и т.п.? И наконец, избранный нами путь анализа онтологии исторического процесса позволит решить клю-

чевой вопрос: можно ли сказать, что всеми социумами в их становлении, функционировании и развитии движут одни и те же императивно-обязательные основания, что неминуемо должно было бы породить единую траекторию исторического процесса разных социумов, независимо от того, какими ресурсами они обладают, «каким богам молятся».

«Расколдовывание» этой дилеммы предполагает исследование некоторых методологических вопросов.

В науке, да и в общественном (обыденном) сознании под влиянием науки, сформировалось устойчивое видение путей и последовательности форм организации социальной жизни, которые определяются уровнем развития производительных сил, технологий. Данный подход возник до и помимо К. Маркса (см. подробнее: Семенов 2003), но в его трудах получил наиболее завершенное и теоретически глубокое осмысление и развитие.

Проблема взаимодействия социальной и внешней среды имеет сложный и многомерный характер. Особенно это касается проблемы взаимодействия социума с экономико-технологическими аспектами развития. Экономический детерминизм в том или ином виде находит свое проявление и в социальной науке конца XX в.: в теории постиндустриального общества, информационного общества, теории культурного отставания, в работах Питера Осборна и т.д. Активная цифровизация, которая характеризует современное общество, породила новую иллюзию, так называемый цифровой романтизм, неизбежность коренного изменения структуры общества под воздействием цифровых технологий, надежда на то, что процесс цифровизации неизбежно приведет к прогрессу не только производительных сил, технологий, но и общества в целом, системы социальных отношений и т.д.

Хозяйственно-экономические аспекты бытия носят, безусловно, максимально важные для общества в качестве материальной основы его функционирования и развития. Но максимальная значимость нетождественна определяющей роли в формировании социума. Фундаментальное значение для понимания взаимодействия экономико-технологических и социокультурных факторов играют положения, выдвинутые М. Вебером, о ценностно-нормативной основе экономического поведения хозяйствующих субъектов, культурно-религиозных корнях исторических типов экономической деятельности. Предложенные ниже идеи опираются на фундамент веберовского учения.

При внимательном рассмотрении проблема экономического детерминизма имеет несколько тесно взаимосвязанных аспектов анализа. Первый касается вторичности тенденций социального развития по отношению к хозяйственно-технологическому развитию общества, уровню развития

его производительных сил. Условно можно это обозначить как эффект синхронности (адекватности) / асинхронности социальной организации общества уровню развития его производительных сил.

В ракурсе синхронизационного анализа экономический детерминизм утверждает неизбежную адекватность уровню развития производительных сил социальной организации. При этом мерилom такой адекватности, синхронизации является развитие европейских стран, пережитая ими последовательность типов социальной организации.

Второй аспект делает акцент на приоритетности экономики, ее задач и требований над проблемами социальной организации общества.

Потребности развития производительных сил диктуют обществу, власти или, наоборот, потребности развития общества, как их понимает власть, диктуют, как развиваться экономике, производительным силам. Данный ракурс делает акцент на инструментальном аспекте проблемы экономического детерминизма. На том, что в практическом контексте приоритетно: потребности экономики или потребности общества (как их понимает власть).

Начнем с первого синхронизационного аспекта. Анализ, проведенный как на макроуровне, так и на мезоуровне не выявляет прямой связи между уровнем развития производительных сил и состоянием общества, его динамикой, последовательностью типов социальной организации. Точнее, оно обнаружено на примере лишь европейской истории. Что стало основанием для формирования классического (и неоклассического) либертарианства, согласно которому именно развитие производительных сил и технологий, тем более цифровых, «взрывает» консервативно-авторитарную организацию общества, построенную на подавлении личных свобод, прав и т.д.

Между тем европейская история, этапы и последовательность ее развития развиваются на определенной христианской культурной цивилизационной основе, которая признает приоритетность личности, ее свободы и активности, мирской аскезы и т.д. Она, безусловно, воплощает приоритет социальных условий, обеспечивающих экономическую эффективность, конкурентоспособность на свободном рынке, право частной собственности, ее священность и нерушимость, свободы предпринимательской инициативы, поощрения материального благополучия как признака жизненного успеха (в особенности в протестантизме) и т.д. Именно общественное устройство, культура, стратегическое видение развития социума его элитой, обществом в целом, безусловно, способствовало развитию производительных сил, политически и морально содействовало этому.

Взаимодействие социальной организации общества и развития производительных сил в европейских странах с безусловным приматом развития экономики в качестве моральной стратегии волей-неволей порождает иллюзию синхронизации общественного устройства в соответствии с развитием производительных сил.

Вне европейской истории мы не можем обнаружить такой синхронизации. Вспомним проблему «азиатского способа производства». Сегодня мы наблюдаем за парадоксальными для европоцентристского взгляда явлениями: бурное развитие производства в социалистических Китае, Вьетнаме, монархии ОАЭ, странах Юго-Восточной Азии, далеких от либерально-демократических идеалов, при снижении темпов развития европейских стран.

Тем самым мы подошли к анализу второго аспекта проблемы экономического детерминизма. Социальная среда — это не адаптивная или нейтральная система, которая воспроизводит требования, условия, в данном случае экономико-технологической среды. Она активно реагирует на внешние, в данном случае экономико-технологические, требования, организовывая свою экономическо-организационную деятельность в соответствии со своими предпочтениями, стратегическими целями и планами, способностью предусмотреть, проанализировать возможные социально-структурные последствия своей экономической политики, а также с уровнем креативности, амбиций, готовности к социальным рискам.

Решающая роль именно социальных (организационно-политических) факторов в развитии экономической деятельности, глубоко и эмпирически верифицировано была доказана на массе исторических фактов и событий К. Полянью, Н. Элиасом и др. «Лишь после возникновения централизованной и публичной монополии на насилие конкурентная борьба... может происходить в значительной степени без применения физического насилия; лишь тогда возникает конкуренция» (Элиас 2001: 145).

К. Полянью отмечает, что выводить рыночную экономику из природы человека (т.е. как естественно-историческую, фатальную необходимость. — А.Э., А.К.), как предлагают классики, абсолютно нелогично. При Полянью подчеркивает, что установление принципа институализации рыночного обмена, рыночной конкуренции и перераспределения произошло не с помощью экономики, а в соответствии с социальной организацией общества, принятием определенных правил, контроля (Полянью 2002).

Вместе с тем есть и позитивные формы реализации практического аспекта экономического детерминизма. Бесспорно, что развитие технологий сопряжено с развитием квалификации, систем образования, новых

направлений подготовки специалистов, что может быть реализовано и без коренного изменения институционально-символической основы общества, его социального строя.

Проведенный нами анализ основных аспектов проблемы экономического детерминизма подводит нас к умозаключению, что признание как исторического императива адекватности общественной организации уровню развития технологий по сути искажает онтологию социетальных процессов, приводит к абсолютизации значимости экономико-технологических факторов в жизни общества, является (еще одной) эпистемологической иллюзией.

Социальная система способна через экономическую политику, которая является результатом институционально-символической системы данного социума, способствовать/препятствовать развитию производительных сил и технологий. Критика экономического (да и других детерминизмов) приобретает и более широкое поле осмысления. Можно выдвинуть предположение, что на постбиосоциальном этапе развития решающую роль в определении того или иного типа социальной организации общества, их утверждении и сохранении (в том числе, казалось бы, архаичных монархий) играют внутренние кондиции социума: система ценностей, религия, нормы и правила, система обычаев.

Современный мир: парад социетальных типов организации социальной жизни (вместо эпилога)

Приступая к завершающей части нашей работы, считаем нужным предварительно выделить проанализированные в предыдущих разделах ключевые положения, выступающие основанием нашего исследования современных социетальных процессов.

1. Внесоциальные факторы (климат, географическая среда, технологии) способны «возбудить» социальную систему, побуждают к определенной реакции, но не определяют содержание этой реакции, которая формируется институционально — символической культурно-цивилизационной природой данного общества.

2. Исторический процесс в его постбиосоциальном цивилизованном этапе развития имеет гуманистически искусственную, рукотворную природу, но не является фатальной естественно-исторической необходимостью, пробивающей себе путь стихийно, помимо и независимо от воли людей, их активности, согласия, приемлемости, инициативы и креативности.

3. Социальная необходимость как субстантивная первооснова любой социальной деятельности имеет институционально-символическую отне-

сенность. То, что остро необходимо европейцу, арабу может быть не столь значимо, и наоборот.

В этой институционально-символической отнесенности (в том числе социетальной) активности и заключается ключ к пониманию природы и содержания социетального процесса. Этот процесс оказывается, с одной стороны, объективно ограничен предыдущим опытом и результатом развития, с другой стороны, носит искусственно-гуманистическую, сотворенную людьми природу.

4. Европоцентристское толкование мировых социетальных процессов нашло свое проявление в таксонологии постбиосоциального (цивилизационного) развития общества. Продвижение общества от первобытного состояния к коммунизму приобрело черты, во многом характерные для Европы и построенного на европейской истории понимания последовательности типов организации общества: капитализм обязан идти после феодализма, социализм после капитализма и т.п.

Почему социалистическая организация общества должна строиться лишь на основе капитализма? А если в культуре страны сильно развита общинность? По крайней мере остается открытым вопрос о наличии закономерной исторической последовательности социальной организации общества на этапе постбиосоциального (цивилизационного) развития. В странах с сильной исторической традицией общинного земледелия (Россия, Китай, Вьетнам и т.д.) установление социалистического типа организации общества вполне вписывается в рамки институционально-символической матрицы. Требуется пересмотра и положение о невозможности активного развития экономики в рамках кланово-авторитарной власти (ОАЭ, Катар, Оман) и других форм авторитарной власти.

* * *

Современный мир поражает многообразием типов социальной организации социумов, характеризующимся в том числе достаточно высоким уровнем производительных сил, технологий, конкурентоспособностью. Эпоха колониализма знаменовала диктат европейского типа общества, его безусловное лидерство. Основными «действующими лицами» XIX и XX вв. были державы европейского типа организации социальной жизни.

Глобализация стала продолжением колониализма, но уже в другой форме. В ее основе лежала экономическая политика европейских стран и США. В лице транснациональных компаний глобализация знаменовала активное развитие производительных сил ранее отсталых стран, превращение их в экономических «тигров», «газелей», «единорогов». Следует признать, что глобализация привела к неоднозначным (амбивалентным)

результатам. С одной стороны, она резко ускорила экономическое развитие ощутимого большинства ранее экономически неразвитых стран. С другой стороны, к сожалению инициаторов этого процесса, не привела (и не могла привести) к утрате этими (ранее неразвитыми экономически) странами своей институционально-символической идентичности.

В этих условиях характерное для XIX–XX вв. лидерство и диктат европейского типа организации общества, который лежал в основе мирового порядка, в том числе послевоенного устройства мирового сообщества, был утрачен. Мир, по сути, утратил тот стержень, который делал мировой процесс упорядоченным, предсказуемым.

Глобализация обернулась нарастающей локализацией. Содержание современных социетальных процессов — это конкуренция, соперничество нескольких (многих) экономически развитых, но в корне различающихся своей институционально-символической основой социумов.

Следует обратить внимание на то, что новая ситуация, с которой столкнулись страны с европейской институционально-символической основой, породила необходимость в корректировке либерально-демократических первооснов, усиления изоляционистско-патриотических начал в жизни общества, проявление других кризисных явлений в экономике и политике. Современная эпоха — это эпоха, которая знаменует конец европейского доминирования в мировом социетальном историческом процессе, в развитии международных отношений, эпоха соперничества и конфликтов более или менее экономически развитых стран, имеющих различные институционально-символические основы развития, приверженных различным приоритетам, ценностям и нормам. Это эпоха реального соперничества/сотрудничества обществ с различными типами организации социумов, реализующего (более или менее) успешную экономическую политику: монархий, авторитарных, социалистических, либерально-демократических социумов. В основе процессов, характерных для современной эпохи — искусственно-гуманистическая природа исторического процесса.

Литература / References

Аутвейт У. (1991) Реализм и социальная наука. *Социологос: Социология, антропология, метафизика*, 1: 141–158.

Outhwaite W. (1991) Realism and Social Science. *Sociologos: Sociologia, antropologiya, metafizika* [Sociologos: Sociology, Anthropology, Metaphysics], 1: 141–158 (in Russian).

Браславский Р.Г. (2023) Метатеоретические основания цивилизационного анализа в современной социологии. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(4): 7–40.

Braslavskiy R.G. (2023) Metatheoretical Foundations of Civilizational Analysis in Contemporary Sociology. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(4): 7–40 (in Russian).

Бхаскар Р. (1991) Общества. *Социологос: социология, антропология, метафизика*, 1: 219–240.

Bhaskar R. (1991) Societies. *Sociologos: Sociologiya, antropologiya, metafizika* [Sociologos: Sociology, Anthropology, Metaphysics], 1: 219–240 (in Russian).

Валлерстайн И. (1997) Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется? *Социологические исследования*, 1: 8–21.

Wallerstain I. (1997) Does Social Change Last Forever? Does No One Ever Change? *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1: 8–21 (in Russian).

Гартман Н. (2007) Старая и новая онтология. *ANTROPOLOGY — web-кафедра философской антропологии* [<http://anthropology.ru/ru/text/gartman-n/staraya-i-novaya-ontologiya>] (дата обращения: 25.05.2025).

Gartman N. (2007) Old and New Ontology. *ANTROPOLOGY — veb-kafedra filosofskoy antropologii* [ANTROPOLOGY — web-Department of Philosophical Anthropology] [<http://anthropology.ru/ru/text/gartman-n/staraya-i-novaya-ontologiya>] (accessed: 25.05.2025) (in Russian).

Горюнов А.В., Потанина Л.Е., Шабалкина Е.Е. (2013) Эволюция общества как эмерджентный исторический процесс. *Теория и практика общественного развития*, 9: 17–22.

Goryunov A.V., Potanina L.E., Shabalkina E.E. (2013) Evolution of the Society as an Emergent Historical Process. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 9: 17–22 (in Russian).

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. (2009) *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.: Либроком.

Grinin L.E., Korotaev A.V. (2009) *Social Macroevolution. The Genesis and Transformation of the World System*. Moscow: Librokom (in Russian).

Гринин Л.Е., Марков А.В., Коротаев А.В., Панов А.Д. (2012) Эволюционная мегапарадигма: возможности, проблемы, перспективы. *Универсальная и глобальная история (эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества)*. Волгоград: Учитель: 106–119.

Grinin L.E., Markov A.V., Korotaev A.V., Panov A.D. (2012) The Evolutionary Metaparadigm: Opportunities, Problems, Prospects. In: *Universal and Global History (Evolution of the Universe, Earth, Life and Society)*. Volgograd: Uchitel: 106–119 (in Russian).

Козловский В.В. (2023) Модели цивилизационного развития современных обществ: самоопределение и взаимодействие. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(4): 41–62.

Kozlovskiy V.V. (2023) Models of Civilizational Development of Modern Societies: Self-determination and Interaction. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(4): 41–62 (in Russian).

Лекторский В.А. (2001) *Эпистемология классическая и неклассическая*. М.: Эдиториал УРСС.

Lektorskiy V.A. (2001) *Classical and Nonclassical Epistemology*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Лекторский В.А. (2017) Познание, действие, реальность. *Вопросы философии*, 9: 5–23.

Lektorskiy V.A. (2017) Cognition, Action, Reality. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 9: 5–23 (in Russian).

Луман Н. (1994) Понятие общества. *Проблемы теоретической социологии*. СПб.: 25–42.

Luhmann N. (1994) The Concept of Society. In: *Problems of Theoretical Sociology*. St. Petersburg: 25–42 (in Russian).

Парсонс Т. (2002) *О социальных системах*. М.: Академический проект.

Parsons T. (2002) *On Social System*. Moscow: Akademicheskij proekt (in Russian).

Поланьи К. (2002) *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.

Polanyi K. (2002) The Great Transformation: The Political and Economic Origins of our Time. St. Petersburg: Aleteya (in Russian).

Поппер К. (1992) *Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы*. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива».

Popper K. (1992) *The Open Society and Its Enemies. Volume 2. The high tide of prophecy: Hegel, Marx, and the aftermath*. Moscow: Feniks; Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaya iniciativa» (in Russian).

Поппер К. (1993) *Нищета историзма*. М.: Прогресс.

Popper K. (1993) *The Poverty of Historicism*. Moscow: Progress (in Russian).

Поппер К. (2006) *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: К. Поппер и его критики*. М.: Эдиториал УРСС.

Popper K. (2006) *Evolutionary Epistemology and the Logic of Social Sciences: K. Popper and his Critics*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Потамская В.П. (2016) Проблема историцизма в философии К. Поппера. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*, 1: 160–168.

Potamskaya V.P. (2016) The Problem of Historicism in K. Popper's Philosophy. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 1: 160–168 (in Russian).

Розов Н.С. (1995) Возможность теоретической истории: ответ на вызов Карла Поппера. *Вопросы философии*, 12: 55–69.

Rozov N.S. (1995) The Possibility of Theoretical History: Responding to Karl Popper's Challenge. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 12: 55–69 (in Russian).

Семенов Ю.И. (2003) *Философия истории от древности до наших дней: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции*. М: Современные тетради.

Seменов Yu.I. (2003) *Philosophy of History from Antiquity to the Present Day: General Theory, Main Problems, Ideas and Concepts*. Moscow: Sovremennye tetradi (in Russian).

Спенсер Г. (1998) *Опыты научные, политические и философские*. Минск: Современный литератор.

Spenser G. (1998) *Scientific, Political, and Philosophical Experiments*. Minsk: Sovremennyy literator (in Russian).

Хайек Ф. (2023) *Пагубная самонадеянность*. М.: АСТ.

Hayek F. (2023) *Pernicious Arrogance*. Moscow: AST (in Russian).

Штомпка П. (1996) *Социология социальных изменений*. М.: Аспект Пресс.

Sztompka P. (1996) *Sociology of Social Change*. Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Элиас Н. (2001) *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*. Т. 2. М.: Университетская книга.

Elias N. (2001) *The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations*. Vol. 2. Moscow: Universitetskaya kniga (in Russian).

Beebe H., Hitchcock C., Menzies P.C., Menzies P. (eds.) (2009) *The Oxford handbook of causation*. Oxford Handbooks Online. OUP Oxford.

Dwyer P.D., Minnegal M. (2010) Theorizing Social Change. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 16(3): 629–645.

Grinin L.E., Korotayev A.V. (2023) Social Evolution: Theoretical Aspects and General Outlines. *Social Evolution & History*, 22(2), September: 111–158.

Harré R., Madden E.H. (1975) *Causal powers: A theory of natural necessity*. Totowa, N.J.: Rowman & Littlefield. Edited by Edward H. Madden.

Ratner C. (2000) Agency and culture. *Journal for the Theory of Social Behavior*, 30: 413–34.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF SOCIETAL PROCESSES IN THE MODERN WORLD

Azer G. Efendiev¹ (efendiev@hse.ru),
Andrey A. Kozhanov^{1,2}

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the FCTAS of the RAS, Moscow, Russia

Citation: Efendiev A.G., Kozhanov A.A. (2026) Theoretical foundations of the study of societal processes in the modern world. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 7–39 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.1> EDN: ADVBBY

Abstract. The fundamental foundations of the analysis of societal processes of modernity are investigated. The authors proceed from the fact that in the 21st century, a new social reality has emerged in the world historical space, which cannot be adequately explored using the tools of classical sociology, which is based on understanding the European historical experience. This applies to both ontological and epistemological aspects of the study of societal processes. In the proposed work, the authors make efforts to form some sociological foundations for the analysis of modern societal processes, overcoming the Eurocentric tradition. The implementation of these problems and goals is carried out within the framework of a nomothetic approach aimed at identifying the substantive foundations of the modern historical process. Some key theoretical assumptions of the research are put forward: understanding society as a self-sufficient system, the autonomy of society in relations with the external environment, understanding the social nature of the historical process as artificially humanistic (and not fatally spontaneous natural historical). An in-depth criticism of “historicism” is given, and the need to separate the biosocial (pre-civilizational) and postbiosocial stages of development is emphasized, within which the autonomy of society is fully realized. Special attention is paid to the analysis of the generation (determination, in the broadest sense of the word) of social phenomena, social necessity as a substantial basis of social activity. The socio-group, and especially the institutional-symbolic cultural-civilizational relevance of the content of social necessity is emphasized. Societies that differ in their cultural and civilizational foundations will differ substantially in what is necessary for them. In Part II, an attempt is made to identify the main principles and approaches to analyzing real societal processes: the question of the alternative/non-alternative societal process, an in-depth critique of economic determinism, emphasizing the leading role of social strategies in determining the content of economic and organizational activities, an understanding of the features of modern epochs, where societies with different types of social organization cooperate, compete, and conflict on equal terms.

Keywords: theoretical foundations, social processes, autonomy of society, social necessity, social determination, artificially humanistic nature, postbiosocial historical process, social strategy of economic development, alternative societal development.